

Казань литературная... Что ни шаг — то славные имя и дело. Дома, памятники, скверы... Книжки, мероприятия, литературные вечера, премии. И вдруг выплывает чье-то забытое имя. А мы — мы, наверное, археологи от литературы: бережно достаем находку, очищаем от налета безвестности, изучаем по энциклопедиям, реестрам, трудам таких же увлеченных, любовно выносим на свет...

Многие ли до недавнего времени знали, что в нашем городе в конце XVIII — начале XIX века жил и творил яркий поэт, прозаик, переводчик Гавриил Петрович Каменев (1773–1803)? Многие титулуют его первым романтиком Рос-

сии. А между тем Каменев — личность известная и значительная, и не только для своего времени. Высоко оцененный А. С. Пушкиным («Этот человек достоин был уважения: он первый в России осмелился отступить от классицизма. Мы, русские романтики, должны принести должную дань его памяти...»), он представляет несомненный интерес и как историческое наследие Казани (в 1790-е годы служил бургомистром Казанского городского магистрата), и, что более весомо, как литератор. В творчестве Каменева наивысшего расцвета достиг жанр кладбищенской элегии с присущим ему трагизмом, мисти-

кой, унынием. В то же время Каменев — автор первой русской героико-романтической поэмы «Громвал», созданной по мотивам казанской легенды о крылатом змее Зиланте. Эта легенда входила во многие сборники классической русской поэзии XIX века. Стихотворения и переводы Каменева публиковались в московских и петербургских литературных журналах прошлого и позапрошлого веков. К сожалению, до сих пор так и не издано полное собрание произведений Каменева, между тем как отдельные издания прошлых лет стали библиографической редкостью.

Но обо всем по порядку. В Национальном архиве республики Татарстан недавно обнаружили сенсационный документ, а именно запись в метрической книге Покровской церкви г. Казани о рождении Гавриила Каменева 9 (20) марта 1773 года. Почему сенсационный? Да потому что во всех существующих справочниках и словарях указана другая дата рождения — 3 (14) февраля 1772 года. Если учесть, что Каменев скончался 26 июля (7 августа) 1803 года, то получается, что прожил он чуть более 30 лет, то есть его и без того короткая жизнь становится еще на год короче. Но, как это часто бывает, чем короче жизнь, тем ярче след, оставленный в ней, словно человек понимает, чувствует, что ему дано не так много времени на земле...

Наверное, и татарский мурза Макул, от которого повелся род Каменевых, знал, что потомки непременно его прославят. Семья будущего поэта считалась одной из самых богатых. Отец, Петр Григорьевич, был купцом первой гильдии, казанским городским головой, президентом губернского магистрата. Мать, Татьяна Ивановна, была дочерью купца-старообрядца. В семилетнем возрасте Гавриил остался полным сиротой. Судьба распорядилась так, что его отдали на воспитание в частный пансион М. Вюльфинга, считавшийся лучшим в Казани. Здесь, вместе с дворянскими детьми, и прошло его детство и отрочество, здесь он начал изучать русскую и европейскую литературу, немецкий и французский языки, причем последний — самостоятельно. Здесь зародилась его любовь и непреодолимая тяга к сочинительству.

Ближайшим другом поэта становится Савва Андреевич Москотильников — литератор, чиновник и к тому же — масон! Масонское общество в то время собирало людей умнейших, инициативных, проникнутых идеями гуманизма, духовного возрождения России. Разумеется, примкнул к

масонам и Гавриил Петрович Каменев. Поездки в Москву и Санкт-Петербург позволили поэту иметь знакомство и вести беседы с такими знаменитостями, как Н. М. Карамзин, М. М. Херасков, И. И. Дмитриев. Ну а вершиной признания литературных заслуг Каменева было принятие его в 1802 году в действительные члены петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств.

От брака с дворянкой Марией Подладчиковой поэт имел двух дочерей. Семья, впрочем, не сложилась. Но еще ранее поэт пережил любовную драму — не увенчавшуюся браком любовь к дочери казанского врача-немца...

Здоровье поэта ухудшилось к лету 1803 года — причиной его смерти в метрической записи Воздвиженской церкви указана чахотка. Единственное место, достойное упокоения праха поэта, — это, безусловно, кладбище Кизического монастыря. И не только потому, что здесь был похоронен его отец, рядом с которым он обрел последнее пристанище. Именно здесь, в тени сосновой рощи, он любил гулять и размышлять, именно здесь он находил вдохновение, уходя в мир фантазий и воображения. Как место действия и литературный образ роща-кладбище Кизического монастыря присутствует в нескольких его произведениях.

«Вчера с друзьями я ходил / В тени сосновой темной рощи, / Прохладной ожидая ночи, / Там с ними время проводил...» Это строки из последнего стихотворения Гавриила Каменева, которое было найдено в кармане его сюртука после смерти. Оно называется «Хижицы», или — другое, официальное название — «Вечер 14 июня 1801 года»; дата, вынесенная в заглавие, видимо, имела для поэта какое-то особое значение. Кладбище ныне разрушено, от него не осталось даже надгробий, их пустили на поребрик вдоль улицы Декабристов.

В начале 2015 года была создана инициативная группа по увековечению в Казани памяти Г. Каменева (организатор и вдохновитель идеи — Эдуард Учаров), собравшая свыше двухсот подписей казанских литераторов, краеведов, ученых, архитекторов, библиотекарей, музейных работников... 20 марта 2016 года, в день рождения Каменева, инициативная группа возложила символический камень в Сосновой роще близ Кизического монастыря. За три года прошло пять вечеров памяти Г. Каменева, два всероссийских конкурса его имени, организованных казанским литературным кафе «Калитка» Центральной библиотеки, изда-

но «Избранное» поэта, вышли теле- и радиосюжеты, посвященные Каменеву, а также несколько публикаций в региональных изданиях. Идею увековечения памяти Г. П. Каменева поддержали и авторитетные писатели России.

В заключение приведем знаменательные слова Р. М. Гайсина, доцента кафедры русской и зарубежной литературы Елабужского института КФУ: «Величие Гавриила Каменева для нас определяется тем, что он, преодолевая каноны предшествующей традиции, обозначил главные принципы собственно свободного творчества и прошел зна-

чительный путь, по направлению которого многие странники отечественной словесности идут до сих пор. Художественные открытия такого высшего порядка должны были явиться в евразийской Казани. В науке подобным первопроходцем стал Лобачевский, но значительно позже...»

Эдуард Учаров, организатор и руководитель проекта, поэт, руководитель литературного кафе «Калитка» Центральной библиотеки

Галина Булатова, поэт, переводчик, редактор-составитель литературных изданий

Мечта

Доколе тусклыми лучами
Нас будешь ты венчать, мечта?
Доколе мы, гордясь венцами,
Не узрим — что есть суета?
Что все влекут часы крылаты
На мощных — к вечности — хребтах;
Что горды, сильные Атланты
Вмиг с треском раздробятся в прах.

Где дерзкие теперь Япеты,
Олимпа буйные враги?
Гром грянул — все без душ простерты!
Лишь не успеем мы ноги
Взнести на твердые ступени —
Скользим — повержены судьбой!
Мы жадно ищем вверх ступени,
Взойдем — но ах! конец какой?

«Какой? — Вельможа так вещает. —
Я буду знаменит, велик!
Таких вселенна примечает, —
Веселья, хоры, радость, крик
Со мною будут непрестанно;
Чтить станет, обожать народ;
Мое из злата изваянно
Лицо пребудет в род и род!»

Изрек... и смерть тут улыбнулась,
Облокотившись на косу;
Коса на вью вдруг пригнулась —
Погиб надменный в том часу.
Исчезла с ним его и слава —

Осталась глыба лишь земли.
Мечта! мечта! сердце отравла!
Исполнена одной ты тли!

Очаровать воображенье,
Вскормить надежду, возгордиться,
Представить грезы, сомненье,
Рассыпав маки — сны родить...
Вот милые твои законы!
По коим слабый человек,
Без умной шедши обороны,
Блуждает, колесит весь век.

Давно ль на лоне я спокойства
Утехи кроткие вкушал?
И слезы бисерны довольства
Я с другом нежным проливал?
Настроив голос, сладку лиру,
Бренчал я на золотых струнах.
Доволен, весел, пел я миру
Весну моих дней во псалмах.

Завыли бурны аквилоны —
И вздрогнул бранный мой состав.
В груди сперлися тяжки стоны;
Зла фурия, на сердце пав,
Терзала, жалила, язвила;
Пропало здравие! — болезнь
Свой бледный, страшный лик явила.
Осталась бытия — лишь тень!

Как ветер ревет в полях пространных
Между серебристым ковылем;
Как вихрь в реках золотопесчаных
Крутит, мешая воду с дном;
Как буйны, мощны ураганы
Все ломают, низвергают, прут —
Так нас болезни, страхи, раны
Колеблют, рушат и мятут.

Под розово-сафирным небом,
При блеске огненных лучей,
Возжженных светозарным Фебом,
Гулял я с милою моей.
Вдали от нас ключи шумели,
Бия каскадами с холмов;
С журчащей песнью вверх летели
Со зланных жавронки лугов.

Обняв грудь розово-лилейну,
Садился с нею на траву;
От восхищенья изумленну
На груди преклонял главу.
Тут с жарким поцелуем Маша,
Взяв арфу томную свою,
Играла песнь: «О милый Саша!»
Бывало, с ней и я пою!

По струнам персты пробегали,
Ах, долго ль, долго ль для тебя?
Часы, минуты пролетали
В восторге долго ль, вне себя?
На струны канула слезинка
И издала унылый звон.
Сверкнула майская росинка!
Исчезло все — как сон!

Почто, Атропа, перервала
Ты жизни тихой нить ея?
Почто ты, не созрев, увяла,
О роза милая моя?
Услышав жалобы с презреньем
Пан в роще стон и голос мой,
Схвативши арфу, с сожаленьем
Попрал мохнатую ногой.

Так, стало, все мечта на свете?
Мечта в уме, в очах, в любви?
При всяком — счастье — лишь обете
Несьто плавает в крови!
Сулит нам <...> златотканы,
Богаты теремы, чины
Велики, знамениты, славны —
Потом карает без вины.

Сулит нам долгу жизнь, веселья,
Но вдруг накинёт чёрный флер.
Рассыпятся состава звенья —
Останется единый сор!
Трещат и мира исполины
Судьбы под сильною пятой;
Падут — се горсть презренной глины
Из тел, напыщенных собой.

Едина правда, добродетель
Не будет ввек не суета!
Прямой кто всем друг, благодетель
Того есть цель — уж не мечта,

Того дела живут в преданьях,
По смерти самой — не умрут.
Дни, текшие в благих деяньях,
Ему бессмертье принесут.
1796

Кладбище

Птица ночная жалобным криком
Душу смущает, трогает сердце,
В робость приводит, мятет,

С свистом унылым быстро с могилы,
Мохом обросшей, любит спускаться
К куче согнивших костей.

Слух мой полету мрачной сей птицы
Вслед с ней стремится. Что ж я тут слышу?
Томный и тихой лишь стук.
Дух мой объемлет трепет и ужас!
Знатностью прежде, гордостью полна,
С кучи катилась глава.

Где твоя пышность, дерзкий невежда?
Где твоя знатность? Нет ее больше!
Слаб и порочен сей свет!

Страшная птица тотчас спустилась
С кучи на камень, гордость где прежде
Твердо являла свой вид.

Гордость исчезла — время сожрало
Надпись златую, знатные титла —
Камень остался один.

Высокомерный! зри те гробницы,
Сколь они пышны! Верно со треском
Скоро исчезнут, падут.

Честью и славой ныне украшен,
Скоро лишишься титл и богатства, —
Так же ты точно падешь!

Счастлив стократно бедный, но честный:
В жизни он терпит, — в смерти получит
Вечности счастье все.

1796

Элегия 1

Вечер любезный! вечер багряный
В влажном наряде сизой росы!
Друг твой несчастный сердцем тоскует,
В тихой долине слезы лишь льет.

В тихой долине пусто, безмолвно!
Друг твой при речке там быстрой сидит.
Мысли он только к ней устремляет,
К деве любезной здешней страны.

Дева прелестна! где ты, где ныне?
Где воздух тонкой питает тебя?
Где ты, где зыблешь грудь лебедину?
Где изливаешь пламень очей?

Грудь твоя лучше розы цветущей,
К солнцу раскрывшей свежи листы!
Алые губы прелестны и милы!
Руки белее в поле лилей!

Где Эдальвина? где ты, где ныне?
Кто твоих видит прелесть ланит?
Кроткой румянец! нежным оттенком
Мило играешь в них для кого?

О, Эдальвина! в горькой печали
Жизнь я несчастну здесь проведу!
Будьте во мраке вечно сокрыты,
Слезные вздохи песни ночной.

Элегия 2

Бури свирепством роза погибла!
Нежно, душисто на стебле цвела.
Алые листья лишь распустила,
Буря свирепством сгубила ее.

Грозд винограда! Милый, багряный!
Сорван ты жадной и хищной рукой!
Рано ты сорван с гибкого древа!
Сок твой любезный во прахе погиб!

Роза! почто ты рано завяла?
Грозд виноградный! почто не дозрел?
Девы, рыдайте! слезно, печально,
Юноши, плачьте, тоскуйте о том.

О, Эдальвина! в тихом ты гробе,
Тихо, покойно, безмолвно лежишь,
Ветр на могиле воеет уныло,
Скоро снег зимний засыплет ее.

Горькой ты смерти юна невеста!
Брачные песни замолкли навек!
Страшен жених твой, страшен и бледен,
Хладно и пусто на брачном одре.

Нежной красою всех была лучше,
Юная дева, ты в жизни своей.
Грудь твоя ныне низко опала,
Очи померкли и мертвы уста.

О Эдальвина!.. здесь на могиле,
Густо обросшей травой, сию.
Ветер холодный мрачный ноши
Роется бурно в моих волосах.

О Эдальвина!.. в горести лютой
Всю здесь проплачу унылую жизнь.
Бледен, как солнце в осень печальну,
Тих и безмолвен, как темный твой гроб.
21 марта 1799 года

На новый 1802 год. К друзьям

Едва, спеша вослед звездам,
Царь дня румяные смирил востока волны
И сыпал миллионы
Алмазов по снегам, —

Как на луге серебро-сапфирном,
В ковчеге благодати держа дары судьбин,
Вторый столетья сын
С челом скатился мирным,

Предстал — надежд, желаний сонм
Во сретенье ему, как легкий пар, толпится,
И всякой суетится
О счастья своем.

Одни хотят чинов для чванства,
Другие ордена, титулов и честей
Для роскошных затей;
Любовницы, богатства.

А я без прихотей искусств
К любимцу времени иду с лицом смиренным,
Со взором, орошенным
Слезой душевных чувств;

Прошу — да круг друзей мне милый
Из чаши радостей нектар блаженства пьет,
Надежды кроткой свет
Прочь гонит мрак унылый;

Да жизни их прозрачный ток
Не остановит смерть дыханьем ледовитым,
Над гробом, вновь зарытым,
Не шепчет ветерок...

Не дай им за серебро полуду,
Прямого счастья, спокойства не лиши,
В спокойстве их души
И я спокоен буду.

1802

* * *

В тишине уединенной
Жизнь несчастную веду,
Позабыт я всей вселенной,
Счастье в смерти лишь найду.

Ты, подруга летней ночи,
Бледно-светлая луна,
Лес, луга, и темной рощи
Мрак безмолвный — тишина!

Не услышите вы вечно
Вздохов горестных моих,
Хоть страдаю я сердечно
В лютой грусти, в муках злых.

Ручеек, что по лужочку
Быстро льется и журчит,
И под холмиком к кусточку
Воду чистую струит!

О тоске души унылой
Не скажу тебе, смолчу,
И тебя, ручей мой милый,
Я слезой не возмущу.

Не скажу я ветерочкам:
Мчитесь вы по всем местам,
По дубравам, по лесочкам,
По долинам, по лугам.

Не скажу я вам: сыщите
Ту, которую люблю,
И тихонько ей шепните,
Что я в жизни ад терплю;

Что с унылою душою
В жалкой участи грущу
И сердечного покою
Тщетно я везде ищу;

Что, красот ее любезных
Образ в памяти храня
И в страданиях бесполезных,
Рвусь и мучусь, жизнь кляня.

Нет, в моей ужасной доле
Не могу ее винить;
Нет, не в нашей это воле —
Ненавидеть и любить.

Не богат я и не знатен,
Не забавен, не остер,
Мрачный вид мой неприятен,
Речь уныла, томен взор.

Что роптать мне на судьбину?
Не могу я счастлив быть.
Но умею лишь Кларину
Страстно, искренно любить.

**Вечер 14 июня 1801 года
(Хижицы)**

Вчера с друзьями я ходил
В тени сосновой темной рощи,
Прохладной ожидая ночи,
Там с ними время проводил.
Природа сумраком оделась, —
Угрюмо на закате рделась
Тускло-червленая заря.

Туман спустился на луга,
Зефир заснул, древа молчали,
Нахмураясь, небо покрывали
Черногустые облака.
Луна из-за горы лесистой
Явила нам сквозь воздух мгlistый
Бледно-багровое чело.

Явила — и печальный свет
По роще тихой разливался,
В тоску и мрачность облекался,
Казалось, каждый там предмет.
Уныние в признаках черных
На нас, безмолвных, утомленных,
Простерло свой свинцовый жезл.

Отрада удалилась прочь,
Мое тут сердце приуныло,
Забивши тише, говорило:
«В твоей душе темно, как ночь!
Надежды тусклый луч затмился,
Оставлен всем — всего лишился,
И цель твоя — одна лишь смерть».

В глазах, где жизни огонь погас,
Слезу мне горесть наворачнула;
При сумраке она блеснула
Печально в сей прискорбный час.
«Друзья! — сказал я. — Я несчастен,
Мой жребий беден и ужасен,
Страданье — жизнь, темница — свет.

На все гляжу сквозь черный флер,
Нигде, ни в чем красот не вижу,
В веселых кликах стоны слышу,
При солнце мрачность кроет взор.
Вино мне в яд преобразилось, —
Восторгов сердце тех лишилось,
Что чувства нежат и томят.

Я вздохом начинаю день,
Смущенны взоры вкруг вращаю,
Ищу отрад — тоску встречаю,
Печаль следит за мной, как тень.
Исчезла радость, наслажденье,

Прошли забавы, и мученье
Рукой железной сердце жмет.

Влачится в скуке жизнь моя,
Лишась подруги кроткой, милой,
В сей жизни горестной, унылой
Томятся сердце и душа.
Но скоро я глаза закрою
И смерти хладною косою
В могилу темную сойду.

Тогда как солнце, скрывшись в Понт,
Оставит в тучах свод лазурный,
Померкнет свет серебристый, лунный,
Туман задернет горизонт,
Как ночь разверзет мрачны недры
И заревут, завоюют ветры, —
Друзья! придите вы сюда.

Придите! Древних сосн в тенях
Надгробный камень там белеет,
Под ним — ваш друг несчастный тлеет,
Слезой его почтите прах,
Почувствуйте в душе унылой,
Как над безмолвною могилой
Во мраке ночи воеет ветр».

